

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ПОКИДАЯ ЗЕМНЫЕ КВАРТИРЫ

ПЕРЕФОРМИРОВКА

Возле города Орла
полк в боях сгорел дотла.
Командир убит, а танки —
их печальные останки —
головешками в золе
раскидало по земле.

Из людей — десятка два
выжило едва-едва,
повезло им, что успели
выскочить, пока горели
бензобаки и движки
и снарядные лотки.

А когда огонь остыл,
выживших послали в тыл,
чтоб на сборном пункте в Туле
подлечились, отдохнули
и вернулись бы опять
в новых танках воевать.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию им. Дзержинского, полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Переформировка. Так
называли этот шаг
с фронта в тыл, затем обратно.
Мой отец неоднократно
совершал его, когда
брал на танках города.

Ну, а в Туле есть вокзал,
сохранился даже зал,
где отец мой не однажды
заливал тоску и жажду
самогоном и вином
в ресторанчике хмельном.

Я недавно там сидел,
в те же окна я глядел,
и бежал мороз по коже:
всё знакомо, всё похоже,
словно тыловым винцом
отпивался здесь с отцом.

А потом чеченский фронт;
чёрт бы с ним, да вдруг ремонт
учинили на вокзале
с перепланировкой в зале...
Ничего не узнаю.
Без отца впервые пью.

ИКОНКА

Мама в ту пору была медсестрой
в госпитале фронтовом.
Песенки раненым пела порой,
если попросят о том.

Как молода была, как хороша,
пусть не ахти голосок,
слушали раненые чуть дыша,
боль подзабыв на часок.

Мама всю жизнь вспоминала бойца
с малой иконкой в руке,
не убирал он её от лица,
прятал слезу на щеке.

— Утром я вновь на дежурство пришла,
Всё образок он держал.
“Нина, иконка меня не спасла”, —
мне перед смертью сказал.

Непредсказуемы Божьи пути,
неугасима война.
— Мама, — твержу я сквозь годы, — прости. —
Держит иконку она.

НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Спаси, Господь, от зимней службы,
ночёвок на снегу,
заиндевевшего оружия
и маршей сквозь пургу.

Броня в морозы не спасала:
так холодна была,
что кожу с пальцев отрывала,
насквозь ладони жгла.

Отец рассказывал, что ночью
они из танка — прочь,
солярку заливали в бочку
и жались к ней всю ночь.

Или под днище танка лезли
и возле костерка
дымились в копоти железной,
не рассветёт пока.

А рассветёт — тогда в атаку,
Сминая всё подряд.
В бою согреются, однако.
Или совсем сгорят.

ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ

Живём в Ленинграде, в “Латинском квартале” —
на улице Серпуховской,
здесь издавна койки студентам сдавали;
в Париже квартал есть такой.

Отец поступил в Академию тыла,
подвальную комнату снял,
которую мать называла “могила”,
а старший мой брат одобрял.

Там были такие дворы проходные,
такие глухие места,
такие сараи, такие пивные,
что даже Москве не чета.

Отец и в “могиле” учился ночами,
отличником стал, но грустил:
ведь он же танкист, ведь война за плечами,
а медики выслали в тыл.

Ну, ранен, горел, ну, немного контужен,
но разве же он тыловик?
И был Ленинград ему вовсе не нужен —
он к танковым боксам привык.

Ни мама, ни брат его не понимали,
а я, потому что был мал,
вдруг сам разлюбил столь мне милый вначале
жестокий “Латинский квартал”.

“ПРИМА”

Закурю я солдатскую “Приму”,
вспомню армию, службу, войну —
то, что строчками невыразимо,
что мне критики ставят в вину.

— Человек не рождён для убийства, —
говорят они. — Плюнь и забудь. —
Для чего ж он рождён? Для витийства,
для словес, разрывающих грудь?

Но людей разрывает не слово,
а снарядная сталь и свинец.
Это с осени сорок второго
понял и передал мне отец.

Нет, порой и слова разрывают,
если в них обнажается связь
с тем, кого на войне убивают...
Вот и “Прима” моя порвалась.

ТОВАРИЩИ ОФИЦЕРЫ

Господи Боже, на что мы похожи,
как мы слабы и смешны.
Вроде бы не виноваты, а всё же
сдали страну без войны.

Да, мы не трусили в Афганистане,
не отступили в Чечне,
но прогорели на телеэкране
в грязном эфирном огне.

С чем обратимся, отцы-командиры,
к бывшим родимым полкам?
Что, покидая земные квартиры,
скажем фронтовикам?

Армии, дескать, не место на сцене
переворотов дурных...
Господи, не обвини нас в измене —
честных, наивных, смешных.